

ВРЕМЯ

Z

Владислав ЕФРЕМОВ
«ГУСАР»

ОСТРОТА

ЗАПИСКИ РУССКОГО БОЙЦА ИЗ АДА

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Е92

Серия «Время Z»

Дизайн обложки *Владимира Ноздрина*
Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону

Фотоматериалы предоставлены автором

Ефремов, Владислав «Гусар»

Е92 Острота. Записки русского бойца из ада : очерки и рассказы / Владислав «Гусар» Ефремов. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2024. — 320 с. — (Время Z).

ISBN 978-5-17-165512-9

Год жизни русского добровольца на освобожденных территориях Новороссии. Откровенные, честные рассказы наполнены духом войны, мужеством и любовью к своей Отчизне, своему народу. Описанные события переносят то во вполне размеренную гражданскую жизнь Донбасса, то в окопы на передовой.

Смерть, разрушения, боль. У нас «триста». И этот «триста» — ты. Бесконечно тянущиеся часы эвакуации, ампутация.

Это книга о том, что видишь и понимаешь, только оказавшись на войне.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Владислав «Гусар» Ефремов, 2024
ISBN 978-5-17-165512-9 © ООО «Издательство АСТ», 2024

Всякий раз, когда я читаю истории и рассказы о войне, написанные Владом «Гусаром» Ефремовым, мне непременно вспоминаются слова Аль Пачино, сыгравшего уже немолодого подполковника в фильме «Запах женщины»: «Было время, когда я ещё мог видеть. И я видел на войне парней моложе этих, с вырванными руками и оторванными ногами. Но нет ничего страшнее оторванной души. Для этого нет протеза».

Так вот, всякий раз, читая и слушая «гусарские» истории, я понимаю, что Влад даже на войне смог сохранить неимоверно живую и чистую душу. Напрочь русскую и по-настоящему православную.

Каждый его рассказ наполнен тяжестью и глубиной происходящих событий, которые он пропустил через себя. Теперь же, с удивительной искренностью и бесстрашно смотря в глаза действительности, всё это воспроизводит для нас.

Он, как и увещевал некогда русский философ Николай Бердяев, пишет не просто о войне и всех тяжбах, пришедших с ней, а о своём романтическом и чувственном её восприятии. По Бердяеву, всякая война является испытанием силы человеческого духа и должна восприниматься в первую очередь чувственно и духовно.

Пройдя через все эти испытания, Гусар сумел сохранить потрясающее чувство юмора, небывалое жизнелюбие, волю к победе и веру в русский народ и саму Россию.

Посему мы попросту настаиваем, что вы обязательно должны прочитать рассказы нашего дорогого брата Владислава Ефремова и погрузиться в события новой, но как и прежде великой русской истории глазами этого человека!

*Владислав Карнов, лидер общественного движения
«Россия Консервативная»
https://t.me/rus_con/3909*

Острота

Ночь первая

Здесь нельзя снимать перчатки. Весь мир ошетинился на тебя зазубринами, занозами, острыми гранями. Весь мир был изранен и избит, всеми силами пытался отомстить и ранить тебя, поэтому прикоснуться к нему голыми руками было бы глупым и необдуманым решением.

Я смотрел на этот исковерканный клочок земли через стекла баллистических очков и решетку, закрывавшую остатки окна. Часть оконного проема была заложена колотым белым кирпичом, который держался за счет намотанных на прутья и прибитых к подоконнику проводов. Как только не исхитряются бойцы, чтобы создать хотя бы иллюзию грошовой защищенности.

Не думаю, что эти кирпичи кого-то спасли или даже теоретически могли спасти. Кирпич крошится от попаданий, разлетается пылью и сотнями мелких осколков, которые так же кромсают кожу и плоть, как и любые другие осколки. Но — плевать. Сильно хуже тоже не будет. В конце концов, дело не в кирпичах, не в броне, не в реакции, а в банальной удаче. По-

вернутся ли у артиллеристов «крутилки» так, что тебя смешает с местностью, или нет? Ты никак не можешь на это повлиять.

Металлическая решетка об этом красноречиво напоминала. Она была перебита во многих местах, но одно попадание мне запомнилось особенно: тонкий прут был разорван с одной стороны, а с другой — цел и невредим. Осколок оставил на нем красивую округлую пробойну и ушел куда-то в стену. Такое забавное стечение обстоятельств, такой интересный узор. Если осколок твой — он пролетит через все преграды и войдет в висок, аккуратно под шлем. Если не твой — он попадет куда угодно, только не в тебя. Как осколки от сброшенных с дрона гранат, взорвавшихся в нескольких метрах от меня пару часов назад.

Меня могли убить они, мог выпущенный из танка снаряд, залп ствольной артиллерии, одна из десятков упавших в радиусе сотни метров мин. Но... я жив. Осколки летели не так. Упавшие мины не срабатывали. Поднятая мной в поле танковая мина оказалась без «сюрприза» под ней, хотя это скорее было похоже на русскую рулетку с вероятностью пятьдесят на пятьдесят. «Крутилки» все время стояли не так, как надо.

И мне хорошо. Я собран, закован в броню, хорошо оснащен, готов ко всему. Балансирую

на лезвии, до сумасшествия остром, способном разрезать мою линию жизни легким прикосновением. И жив! Искренне, по-настоящему жив, без сомнений в своем существовании и своем предназначении. Я жив, чтобы действовать. Я жив, чтобы идти дальше по лезвию.

В помещении за мной — люди, некоторых из которых окружающая реальность начала коверкать. Здоровый, возрастной мужчина в броне несколько минут смотрел на меня потерянным взглядом и говорил одни и те же слова и фразы, а затем переключился на другого и повторял ему то же самое. Рассказывал одни и те же картинки из произошедшего ночью, в которых не было ничего нового — трупы, взрывы, темнота, осколки, встающая на дыбы земля. Раскрой почти любое приличное произведение, посвященное войне, и там будут эти компоненты, становящиеся фоном — неприятным, но стабильным фоном. Зато он способен свести человека с ума.

Я готовился к тривиальному выходу за дверь. Что меня там ждет? Быстрая прогулка? Боль и кровь? Смерть? Каждый раз можно только догадываться. Однако для начала я расскажу не о том, что скрывала превращенная в дуршлаг железная дверь. Я расскажу, как я здесь оказался.

Щелчок затвора. Характерное жужжание, олдскульный фотоаппарат выплевывает из себя белесую карточку, на который через несколько секунд должен появиться перегруженный я, сжавший левую руку в напоминавшей о металлической юности «козе». Броня, автомат, каска, подсумки, рюкзак, квадрокоптер в сумке на бедре, антидроновая пушка в громоздком кейсе — это все придавливало меня к земле и делало передвижение крайне проблематичным занятием.

► Снимок с полароида

— Потом отдашь, оставь пока у себя. Мне положить некуда, — сказал я молодому снайперу, взявшему на себя роль фотографа.

- Юнкер, ты почему еще не собран?
- Так я не еду..
- Кто тебе сказал, что не едешь? Где твой командир группы? В три часа колеса уже будут в воздухе!

Грубый голос ротного командира заставил стоящих в маленьком дворе сельского дома бойцов прийти в движение, снайпер с позывным «Юнкер» бросился к другому дому. Проявленный снимок в следующий раз я увижу уже много позже и при совсем других обстоятельствах, но я берегу эту карточку — она до сих пор хранится у меня на полке в шкафу.

Итак, Юнкер убежал собираться, остальные же после проверки начали таскать вещи и складывать их в «буханки». Стоящие под хмурым небом грузовички не могли аккуратно вместить поклажу, которая представляла собой гору из рюкзаков, баулов, лопат, сеток для обустройства блиндажей, поэтому все было наброшено горкой и весьма хаотично. Мой баул с дронами оказался где-то снизу в кузове «буханки»-фермера, под горами чужих вещей, и я долго сокрушался по этому поводу. Затем стал успокаивать сослуживца с позывным «Самбо», отличающегося недюжинной физической силой и богатырской комплекцией. Он переживал, что мы не сможем забраться в кузов грузовичка, не подавив при этом содержимое баулов и рюкзаков.

— Все нормально, с левого края только жерди для блиндажей лежат. Сядем на них, ничего не ломаем.

Суета, суета, как и всегда перед выездом. Хочется уже дождаться того момента, когда можно будет забыть обо всех проблемах и погрузиться в себя, мчась на перегруженной «буханке» куда-то навстречу «боевым». Там, скорее всего, будет весело, да и во время дороги ты в любом случае сможешь забыться — никому ничего не должен, предоставлен сам себе и своим мыслям. Пожалуй, только в дороге я чувствовал себя свободным от всего, что могло давить мне на мозги в течение оставшегося времени — от дум о войне, о том, что будет после нее, о должностных обязанностях, о том, что я должен был сделать, но не сделал. А сейчас нужно пойти узнать у командира, взял ли он с собой тепловизор, забрать рацию, захватить еще какие-то материалы для блиндажа, закинуть в кузов противотанковые мины (они еще сыграют в этой повести свою роль, причем немалую) и произвести с пяток подобных тому действий.

Наконец. Наконец мы тронулись. Когда колеса поднялись в воздух, я посмотрел на время — было уже порядка трех сорока. Ну что же, так было всегда и везде. Мир бы, наверное, рухнул, если бы военные начали что-то делать во время.

Чем дольше мы будем ехать, тем лучше. Пусть весенний день холоден, пусть небо над головой отливает свинцом, пусть кузов «буханки» ничем не прикрыт от пронизывающего ветра. Плевать. Хочется ехать дальше, хочется ехать больше, возможно, хочется даже забыться сном в дороге и проснуться, когда мы еще будем ехать. Но это непозволительная роскошь, переброска к линии фронта не будет столь долгой.

И был еще один момент, о котором я не мог не думать: на передовой я обязательно встречу ее. У нас очень сложные отношения с этой не очень привлекательной девушкой, хотя мы проявляем друг к другу определенный интерес каждый раз, когда оказывается неподалеку. Каждый раз мне казалось, что она хочет меня убить особым извращенным способом — порвать на куски, вывернуть наизнанку, нашпиговать металлом, а затем надругаться, и меня это даже немного заводило. Пока ей этого не удавалось, но кто знает, что будет в следующий раз, — вдруг она своего все-таки добьется?

Нет, это не какая-то знакомая мне пособница украинцев. Это даже не поехавшая от садизма коллега, с которой у нас не заладилось. Единственное, что я о ней знаю, что это даже совсем не человек и что я называю ее ОстротА.

Я встречал ее неоднократно, чувствовал ее взгляд, даже дыхание на своей шее. Может, это

что-то вроде злой античной богини, что распоряжается судьбой? Не только моей, а вообще всех солдат, посмевших слишком к ней приблизиться. Или подобие злого духа, что нами питается. С другой стороны, я вообще не уверен, что она хочет смерти всего и вся. Иногда она убивает, некоторых сразу же, спустя считанные минуты, а с некоторыми — играет. Со мной она играет уже долго, и кажется, я в ее вкусе. Во вкусе кошки, что отпускает мышку, чтобы потом опять прыгнуть на нее и схватить мягкими лапками. В какой-то момент мышка все равно останется без головы. Во всяком случае, шансов на это больше, чем на то, что ей удастся улизнуть от забавляющегося хищника.

Поездка еще совсем не успела мне надоесть, когда «буханка» начала пересекать блокпосты, вдоль дороги стала мелькать разбитая техника, дома все чаще и чаще были уничтожены и сожжены. Мы мчались к линии фронта, реальность плавилась, менялась и трубила об этом. Здесь бывала Острота, она тут играла и забавлялась. Не только с солдатами, с мирняком тоже, который не по своей воле оказывался в ее охотничьих угодьях. Приезжать откровенно не хотелось, но иного выбора не было — разрушений становилось все больше, они были почти повсеместными, значит, пункт назначения совсем близко. «Буханка» промчалась мимо расстре-

лянной артиллерией церкви, над которой еще возвышался купол, но стены были проломлены попаданиями в нескольких местах.

— Это Граната?

— Нет, до Гранаты еще очень далеко! — отозвался Самбо.

Граната — это условное обозначение локации, возле которой наши укрывались во время одного из штурмов. Представляла она собой также разбитую часовню где-то неподалеку от Угледара. Если это не она, значит, нам чуть дальше. А Самбо тем временем постоянно повторял, что здесь даже воздух другой, дышится по-другому. Хотя менялся, конечно, не воздух — в угодах ОстротЫ мы просто сами начинаем дышать по-другому, начинаем ценить вдох, понимая, что нас может ждать.

Водитель нажал на тормоза, перегруженная «буханка» встала между побитых взрывами одноэтажных и весьма типичных дачно-сельских домов. Мы не высаживались — ждали команды. А когда она поступила — сразу же выпрыгнули и стали хаотично вытаскивать вещи, хаотично же туда сваленные. Больше всего сейчас меня беспокоила судьба моих пожитков, вещей дорогих и хрупких — кучи квадрокоптеров, антидроновой пушки, рюкзака, на котором висели саперная лопатка, аптечка, спальный мешок, противогаз... Самого рюкзака за этим всем не было видно.

Всегда самым сложным на боевом выезде было заступление на позицию. Когда я в металлической каске пер на себе бутылки с водой под Авдеевкой. Когда в Поповом лесу я ночью падал через стволы деревьев, упавшие из-за обстрелов. Теперь, когда мы заступали под Угледаром. Всегда — самое тяжелое и мерзкое.

Итак, броня, шлем. За спиной — уже упомянутый рюкзак, почти невидимый из-за всякого привязанного к нему дерьма. Автомат. Противодробное ружье в руках, еще гребаный чехол от этого самого ружья размером с гроб, который я вообще не хотел с собой брать. Он в левой руке, в ней же — лопата. Она зажата между ручками чехла, подобными тем, что пришивают к спортивным сумкам, и норовит вывалиться каждый раз, когда я прохожу новый десяток метров.

Мы идем недолго, но организм орет о том, что он перегружен. Я спускаюсь с какой-то горки к заросшей камышами запруде, уговаривая себя сделать каждый новый шаг. Как? Хрен его знает. Просто нужно. Останавливаться нельзя. Стемнело, камыши, тропинка... А останавливаться нельзя. Идущим сзади еще тяжелее — они волоком тащат мой баул с аппаратурой. А останавливаться нельзя. По дороге мне дали еще увесистый чемодан с РЭБом, который тоже